

УНИВЕРСИТЕТ И КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ В ИСПАНИИ В XVI в. (к проблеме эволюции взаимоотношений)

Рассматривается проблема взаимоотношений королевской власти и университета в период раннего Нового времени. На примере Саламанкского университета, главной кузницы кадров для королевской администрации, показано, как со времени правления католических королей и на протяжении всего XVI в., при Карле V и Филиппе II, усиливается влияние на университет со стороны испанских монархов.

Ключевые слова: Испания XVI; история университетов; Саламанкский университет.

XVI в. в Испании отмечен значительным ростом числа университетов. Если в последней четверти предшествующего столетия на территории Пиренейского полуострова их насчитывалось менее десяти, то к концу XVI в. – уже более тридцати, причем к этому времени, помимо Кастилии и Арагона, университеты существовали и на других испанских территориях. Лидирующие позиции занимала Кастилия с ее старейшим университетом Испании – Саламанкским. По подсчетам Р.Л. Кагана, к концу века в Кастилии с почти семимиллионным населением ежегодно насчитывалось около 20 000 студентов, что позволяет говорить об испанцах этого времени как об одной из наиболее просвещенных европейских наций, проявившей мощный потенциал в культуре своего Золотого века, а также в способности создать мировую империю с ее мощным бюрократическим аппаратом [1. С. 357–362].

Выпускники наиболее авторитетных кастильских университетов – Саламанки, Вальядолида и Алькала-Энарес – были широко представлены в королевской администрации, в провинциальных органах юстиции, на высших церковных должностях. Университеты и их питомцы, как отмечает М. Песет, играли существенную роль в самом процессе укрепления королевской власти в эпоху раннего Нового времени. Юристы являлись ключевыми фигурами всей структуры этой власти, а теологи занимали не только высшие церковные, но и значимые государственные должности, зачастую оказывая огромное влияние на политику, проводимую королями [2. С. 148–150]. Заинтересованность монархии в специалистах закономерно вела к ослаблению столь важной еще со Средневековья роли духовных властей в жизни университетской корпорации и к перераспределению силы влияния в этой сфере в пользу королевской власти. С наибольшей полнотой этот процесс можно проследить на примере старейшего и главного университета Испании – Саламанкского.

Саламанкский университет, основанный королем Альфонсом IX в начале XIII в., к середине XV в. находился под очевидным папским влиянием. Университетские уставы Саламанки 1411, 1422 гг. были утверждены папами Бенедиктом XIII и Мартином V. В дальнейшем при ослаблении папского влияния и слабости кастильской королевской власти имел место непродолжительный период усиления университетской автономии. Однако с началом эпохи католических королей ситуация значительно изменилась. В новом государстве, которое создавали Изабелла и Фердинанд и строительство которого продолжали Карл V и Филипп II, значение университета заметно возрастает. Королевская власть проявляет заинтересованность в модерни-

зации этого средневекового института, поставляющего монархии необходимые ей управленческие и юридические кадры, стремясь при этом к усилению своего контроля в сфере университетской жизни.

Именно со времени правления католических королей участие испанских монархов в разрешении проблем университетской жизни активизируется, соперничая и зачастую превышая значимость деятельности папы в этом направлении. Не случайно столь зримой в этот период становится идея, согласно которой короли защищают университет, а университет служит королям. Материально-художественное воплощение этого принципа можно увидеть на фасаде главного здания Саламанкского университета, который украшает медальон с изображением Фердинанда и Изабеллы, обрамленный сделанной по-гречески надписью: «Университет – для королей, короли – для университета».

В свою очередь университетское сообщество в лице своих наиболее значительных представителей – членов ученого совета – выражает свою верность монархии, что находит документальное подтверждение. Так, 11 марта 1475 г. по указанию корректора Саламанки ученый совет Саламанкского университета клятвенно подтвердил свою преданность и подчинение католическим королям. В протоколе заседания зафиксировано, что в назначенный день в присутствии корректора Гарсии Манрике как представителя королевской администрации ректор, магистры, все члены совета, а также исполняющий обязанности канцлера «каждый лично от себя и от имени университета и всех членов университетской корпорации... со всем желанием подтверждает, что признавал и признает в качестве своих правителей королей – донью Изабеллу и дону Фердинанда, ее законного супруга, коим выражал и выражает свое подчинение, почтение и верность, которые подобает испытывать по отношению к законным королям...» [3. С. 69]. По просьбе корректора каждый член совета дал клятву, осенив себя крестным знаменем. Отметим, что королевский служащий в обращении к университетскому собранию подтвердил свое намерение со всей полнотой выполнять королевское поручение по поддержанию законности и порядка во вверенном ему городе, неукоснительно уважая при этом привилегии, свободы и юрисдикцию университета.

С укреплением власти королевской четы, с усилением амбициозных планов создания монархии как главной силы христианского мира Саламанкский университет неизбежно вовлекается в орбиту исторического процесса, исполняя роль кузницы управленческих кадров, а также теологов для католической монархии. Университет отныне представлен во многих главней-

ших для государства событиях – от подписания договора с Португалией в Тордесилье о разграничении зон заморского влияния до освоения Нового света. Неудивительно, что и создание первой кастильской грамматики в Саламанке вполне вписывается в этот государственный контекст. По словам ее автора, А. Небрихи, «Язык – это сотоварищ Империи» [4. С. 68].

В эпоху правления Карла V и впоследствии при Филиппе II Саламанкский университет обретает еще больший вес и значение для испанского государства, что находит свое отражение в оформлении его главного фасада и изображении имперского двуглавого орла над входом в Патио Младших Коллегий. Архитектурная символика университетских строений призвана была напоминать о той роли, которую выпало играть саламанкской школе в событиях мирового масштаба, главным действующим лицом которых становится испанская монархия, осваивающая Новый свет и активно представленная на Тридентском соборе как реакции на Реформацию [5. С. 78].

При Карле V университет переживает эпоху развития и не остается в стороне от важнейших идеологических и духовных движений. При этом далеко не чуждыми, как известно, явились для Саламанки и политические события начала царствования Карла, связанные с восстанием комунерос. Ряд представителей саламанкской университетской корпорации, в числе которых были профессора, студенты, служащие, во время событий 1520–1522 гг. оказались в лагере, оппозиционном королевской власти. Последняя после подавления восстания стремится выстроить систему эффективного взаимодействия с университетом с целью устранения ситуации противостояния [6. С. 243].

В период правления Карла V значительно усиливается вмешательство государства в дела Саламанкского университета. Заметным становится падение власти университетского канцлера как представителя духовной власти. Происходят перемены и в статусе ректора, традиционно представлявшего в Саламанке студенческий слой университетского сообщества. В 1555/56 учебном году, вопреки положению университетского устава о выборе ректора из числа жителей Кастилии и Леона, впервые имело место избрание ректором уроженца Арагона. Это означало, что Саламанка воспринималась отныне не университетом Кастильской короны, но университетом Испании, ибо еще при Фердинанде Католическом обе короны – Кастилии и Арагона – были объединены.

Университетский совет в вопросах выбора ректора не всегда и сам выражал единодушие, но в новых условиях серьезные разногласия становятся предметом разбирательства королевской власти. Так произошло в 1528–1529 гг., когда в связи с избранием Педро Гарсии де Лагаски возникла напряженная ситуация, о чем незамедлительно стало известно при дворе, находившемся тогда неподалеку в Вальядолиде. Решением Королевского совета в Саламанку были посланы два инспектора – священник из Сантьяго Педро Пачеко и толедский каноник Альваро Мексия. Королевские посланники решительно настояли на изгнании избранного ректора, против чего выступили члены университетского совета. Последние создали комиссию во главе с

опальным ректором и направили с протестом к королю авторитетного ученого Франсиско де Виторию. Миссия не удалась, и университет вынужден был выполнить распоряжение инспекторов, которые назначили новые выборы и не без серьезного нажима провели на ректорскую должность Эрнана Переса де Оливу. Ректорство де Оливы было отмечено значительным вмешательством королевской власти в дела университета.

Со временем происходило все большее сближение университета и короны. Королевский совет разрешал такие проблемы и конфликты внутриуниверситетской жизни, которые были связаны, например, с вопросами замещения вакантных должностей, выдачи лицензии на деятельность вне университета определенным преподавателям с сохранением кафедры. В силу амбициозности властных структур, а также личных психологических качеств заинтересованных персон довольно частыми были столкновения между ректором и канцлером, между университетом и капитулом или епископом. Это неизбежно имело резонанс в Королевском совете и, в свою очередь, делало необходимым присутствие при дворе кого-либо из уважаемых профессоров университета, хорошо при этом оплачиваемых и пропускающих занятия. (Университету двухмесячное пребывание его представителя при королевском дворе обходилось в 50 000 мараведи, притом что годовое жалование преподавателя составляло 30 000.)

Наиболее очевидным образом усиление влияния светской власти на университетскую жизнь страны происходило посредством королевских инспекций, олицетворявших прямой контроль над университетом. Начало подобной практике положили католические короли, направившие в 1480 г. в Саламанку толедского архидьякона Тельо де Буэндия с целью рассмотрения вопросов, связанных с ректорской должностью и содержанием кафедр. В дальнейшем деятельность королевских инспекторов на протяжении XVI в. имела целью не только разрешение текущих конфликтов и задач университетской жизни, но и реформирование ее, а также обновление университетского устава.

Первая королевская инспекция была направлена в Саламанку от имени королевы Хуаны в 1512 г. Университет, впервые столкнувшийся с такого рода внешним вмешательством в свои дела, попытался ему воспротивиться, аргументируя свою позицию тем, что королева не является патроном или основателем университета, а потому не имеет права вмешиваться в дела корпорации. Интенсивная переписка между королевским двором и Саламанкой прояснила позиции сторон. Ссылаясь на свои традиционные привилегии и историю и признавая вместе с тем королевское право посещать его, университет рассматривал это посещение лишь как консультационное и не имеющее права ставить своей целью ни реформирование его устава, ни осуждение его членов.

Вынужденная вместе с тем согласиться на инспектирование, Саламанка приняла своего первого королевского инспектора – Диего Рамиреса де Вильяэскусу, чей визит стал прецедентом и обозначил собой две позиции на весь XVI в. – позицию монархии, которая считала своей задачей реформировать университет, и позицию самого университета, хотя и стремившегося

воспротивиться этому, но пришедшего в конечном итоге к необходимости приспосабливаться к реформам со стороны королевской власти. Отметим, что выступивший в роли инспектора епископ Малаги Диего Рамирес де Вильяэскуса был выпускником коллегии Святого Варфоломея Саламанкского университета. Питомцы именно этой коллегии в большей степени, чем всех остальных именитых университетских коллегий Испании, попадали в управленческие сферы государства и церкви.

Уже описанная выше вторая королевская инспекция, направленная в Саламанку в 1529 г., также проходила в атмосфере напряженности, царившей во взаимоотношениях между реформаторами и университетской корпорацией.

Инспекция Пачеко и Мексики, продлившаяся восемь месяцев, имела целью разработку нового устава с участием выбранного ректора и комиссии, созданной с этой целью университетским советом. Отметим, что новые положения устава предлагались «от имени университета», однако к тому времени это уже превращалось в пустую формальность, отражавшую, как указывает П. Валеро Гарсия, стремление университетской корпорации подчеркнуть свою роль, а не королевской власти в реформаторской деятельности [7. С. 61]. Однако в документах университетского совета 1529 г. присутствуют формулировки, со всей очевидностью указывающие на главенствующую роль королевских инспекторов в деле разработки положений университетского устава. В частности, 26 октября 1529 г. «сеньоры дон Пачеко и лицензиат Мексия, королевские инспекторы, заявили университету на его совете, что разработали новый устав для наилучшего управления университетом... Однако в силу занятости также другими делами работу не закончили, вследствие чего для ее совершенствования увозят подготовленный документ с собою» [7. С. 62]. Отъезд инспекторов с уставом, еще не принятым ученым советом, породил немалую тревогу университетской корпорации, обеспокоенной перспективой получить важнейший документ, утвержденный за ее спиной, т.е. в королевской администрации.

Предложенные инспекцией положения устава не были приняты университетским советом, и лишь инспекция 1538 г. смогла получить его одобрение. Столь же тщательным и долгим по времени было изучение университетским сообществом положений устава, предложенных инспекцией 1551 г.

Что же стремились реформировать и каким образом королевские посланники? В докладе инспектора Рамиреса де Вильяэскусы в 1512 г. были представлены те изменения, которые, по его мнению, были необходимы для эффективного функционирования университета. Прежде всего эти изменения касались внутренних университетских властей. Ректор, по убеждению инспектора, должен был избираться не на один год, как это предусматривалось университетским уставом, а на три года и не из студентов, как требовал тот же устав, а из лиценциатов, магистров или докторов. При этом ректора, по предложению Вильяэскусы, должен назначать королевский инспектор. Реформированию подлежал и совет представителей, избиравшийся, по уставу, ректо-

ром. Словом, избрание университетских властей, как предлагалось реформатором, должно было стать делом королевских инспекторов. Изменению подлежали процедуры замещения кафедр, а также присуждения степеней с уменьшением их количества и оплаты. К голосованию по вопросу замещения кафедр предусматривалось допускать не только студентов, но и преподавателей. В плане содержания обучения среди прочего предлагалось ввести обязательный экзамен по латинскому языку для поступающих на высшие факультеты – теологический и юридический.

Имелись предложения и по упорядочению расселения студентов в коллегиях и оплаты за проживание. В целом проект реформы 1512 г. был явно направлен на ослабление власти студенчества и ограничение автономии внутренних университетских властей. Последующие усилия, предпринятые в этом направлении королевскими инспекторами в XVI в., развивали эти положения и претворяли их в жизнь.

При Филиппе II наступает эпоха максимального вовлечения королевской власти в дела университета. Визиты королевских инспекторов полностью замещают собою практически ушедшие в прошлое папские инициативы по вопросам функционирования университета, и в первую очередь – соблюдения его устава. Как замечает исследователь университетских реформ XVI в. в Испании Ф.Х. Алехо Монте, многочисленные инспекции, многие из которых выливались в кратковременные и весьма поверхностные визиты, «создают такое впечатление, что приезжали инспекторы единственно для того, чтобы оставить ощущение весомости королевской власти» [8. С. 187]. Только с проверкой соблюдения университетского устава в Саламанку направлялись доктор Кано, Эрнан Перес в 1557 г., лицензиат Монтальво в 1559 г., доктор Анайя в 1560 г., лиценциаты Педро Лопес де Аррьета в 1562 г. и Вильягомес в 1564 г., доктор Симанкас в 1566 г. и многие другие.

Ряд деятелей, проверявших при Филиппе II университет, были уполномочены королем проводить реформирование университета путем разработки его новых уставов. Какие-то из подобных начинаний остались без королевского утверждения, как, например, нововведения, подготовленные в 1574 г. П. Веларде. Другие увенчались принятием нового устава, как это произошло в результате инспекции Д. де Коваррубиаса в 1560 г.

Реформы, проведенные в Саламанке в XVI в., большая часть из которых приходится на время правления Филиппа II, вошли в историю по именам королевских инспекторов, их проводивших. Наиболее важными из них были реформы Диего Энрикеса де Алмансы (1560), Диего де Коваррубиаса (1561) и Хуана де Суньиги (1594) и в первую очередь – реформа, проведенная в 1561 г.

Коваррубиас прибыл инспектировать Саламанкский университет в 1560 г., получив утвержденные королем предложения, представленные по результатам инспекции еще 1551 г. Уже одобренные положения устава стали предметом дискуссий с университетом. В феврале 1561 г. Коваррубиас предложил новую реформу членам университетского совета, которую те детально обсуждали более месяца, оспаривая все, что сочли нужным.

В июне того же года Коваррубиас отбыл в Королевский совет для утверждения положений устава.

При ознакомлении членов совета с проектом устава присутствовали два доктора Саламанки. 15 октября 1561 г. устав с некоторыми изменениями был одобрен Королевским советом, и 24 октября было предписано ввести его в действие. Впоследствии некоторые положения устава 1561 г. были изменены или дополнены новыми в ходе реформы, проведенной Хуаном де Суньигой в 1594 г. [8. С. 189]. Следует отметить, что в 1561 г. университет не был уже так оппозиционно единомышлен перед лицом королевского реформатора. Его визит даже использовали, чтобы утихомирить внутренние раздоры, имевшие место внутри университетского сообщества.

В условиях явно обозначившегося различия интересов среди различных групп университетской корпора-

ции монархия стала рассматриваться как своего рода арбитр. Университет начинает воспринимать монархию как власть, санкционирующую его деятельность. При этом почти все решения университетского сообщества становятся подлежащими королевскому утверждению. К королевской власти университет обращается и как к гаранту соблюдения университетских привилегий.

Испанская королевская власть, заинтересованная в развитии и реформировании университета как кузницы управленческих кадров, на протяжении всего XVI в. демонстрирует свою активную вовлеченность в дела университетской корпорации. Таким образом, происходит очевидная эволюция в области взаимоотношений университета и властных структур, в силу чего университетское сообщество в Испании становится сферой влияния и покровительства светской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *The university in society*. Vol. 1: Oxford and Cambridge from the fourteenth to the early nineteenth century; Vol. 2: Europe, Scotland, and the United States from the sixteenth to the twentieth century / Lawrence Stone (editor). Princeton, N. J. : Princeton University Press ; London : Oxford University Press, 1974. 642 p.
2. *Peset Mariano*. La monarquía absoluta y las universidades // *Revista de História*. Oporto, 1985. № 6. P. 145. 172.
3. *Beltrán de Heredia V.* Cartulario de la Universidad de Salamanca (1218–1600). Volumen 1: Período medieval. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 1970. 702 p.
4. *Historia de la Universidad de Salamanca*. Vol. 1: Trayectoria histórica e instituciones vinculadas / Luis E. Rodríguez-San Pedro Bezares (coord.). Salamanca : Ediciones Universidad de Salamanca, 2002. 750 p.
5. *Gabaudan P.* La iconografía de la Universidad de Salamanca: el mito imperial // *Cuadernos de arte e iconografía*. 1998. Tomo 7, № 13. P. 39–98.
6. *Möller C.* La pedagogía del poder // *Historia de la educación*. 2002. Vol. 21. P. 241–260.
7. *Valero García Pilar*. Un aspecto del rectorado de Fernán Pérez de Oliva: pretendidos estatutos de la Universidad de Salamanca bajo su mandato // *Studia Historica. Historia Moderna*. 1986. Vol. 4. P. 51–74.
8. *Alejo Montes F.J.* La reforma educativa de Juan de Zúñiga en la Universidad de Salamanca // *Historia de la educación*. 1990. Vol. 9. P. 183–196.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 марта 2012 г.